

Мнение

the King can do no wrong =
= Король всегда поступает право.
Надпись на лондонском магазине:
«Clothes maketh the man».
Hide and seek = игра в прятки.
the payback = уплата по долгу,
расплата.
Hickory dickory dock = англий-
ская детская считалка.
His Majesty Opposition = оппо-
зиция Его Величества (враждеб-
ная кабинету и лояльная королю).

Мнение

«Весовые категории» ссылочного ранжирования в науке в связи с популяризацией наследия

Р. Г. Назирова

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Занимаясь публикацией и популяризацией наследия Р. Г. Назирова в течение последних 11 лет, я смог сформулировать для себя несколько, кажется, важных для структуризации научного поля идей. Какие факторы всё же обуславливают забвение трудов одного учёного и постановку на пьедестал другого? У кого формируется внушительный импакт, а кто оказывается невостребован для других учёных?

Разумеется, я должен оговориться, что веду речь только о гуманитарной науке или даже уже — об известных мне филологических науках. Вероятно, в физике, математике или химии действуют радикально другие закономерности, а в истории и музыковедении — просто другие.

В науке есть «великие», те, на кого *принято* ссылаться. Порой ссылаются на них там, где ссылка может быть необязательной, что-то вроде ритуальных сносок с указанием тома и страницы в собраниях сочинений Маркса и Ленина в застойные годы. Иногда ссылка имеет не фатический смысл, а вполне семантически и функционально обусловлена — в тех случаях, когда она служит различению «своих» и «чужих» по методологическому признаку. Сразу определиться с тем, «структуралист» ты или «за духовность», сразу заявить это в своём тексте нужно тогда, когда методологические споры внутри субдисциплины почему-то имеют болезненный привкус, и «свои» и «чужие» — это не нейтральные понятия, а боевые целеуказания.

Так или иначе, но заведомые «лидеры» по ссылкам и цитатам в гуманитарной науке существуют. Кажется, что это персоналии двух типов.

Во-первых, это даже не те, кто что-то придумал как учёный, сделал концептуальное обобщение, в терминах естественных наук это называлось бы «что-то открыл». Это те, кто сделал что-то полезное: опубликовал, собрал, реконструировал. Академик Шахматов упорядочил русские летописи, много лет занимался их систематизацией и реконструкцией правильной модели их генезиса — он великий и заслужил ссылки на себя в этом качестве. В. И. Даль тоже великий, хотя и не совсем учёный, его заслуга — собрание и систематиза-

ция фонда русской лексики, очевидно, что ссылок на его словарь в научных работах будет много. При этом А. Х. Востоков и А. А. Потебня, очевидно, не уступающие названным в интеллектуальных возможностях и в формулировке важного для гуманитарного знания положений, к тому же кругу «ссылочной номенклатуры».

Отчасти статус «великого» заслужил и М. Л. Гаспаров благодаря своей кропотливой и систематической работе по стиховедческому обчёту всей истории русской поэзии. Этот учёный известен и благодаря своим прозрениям в области анализа поэтического текста, но сами по себе эти блестящие статьи не делают его частью обязательного ссылочного набора. В работах В. И. Даля и М. Л. Гаспарова есть одно общее свойство — их справочный характер. К таблицам в конце «Очерка истории русского стиха» можно обращаться, не читая остальной книги, а в словаре Даля можно свериться с одной статьёй, не заглядывая в другие.

Во-вторых, «великим» становится учёный, сформулировавший новые подходы к материалу. Бахтин и формалисты оказываются в числе наиболее цитируемых гуманитариев не потому что они сформулировали важные историко-литературные закономерности, а потому что открыли последующим поколениям специалистов новые методологические горизонты. Не очень важно, что именно В. Я. Пропп считал по поводу волшебной сказки, но то, что через его схему можно пропустить любой повествовательный текст, безусловно, значимый для истории науки факт. К тому же предопределяющий число ссылок на фольклориста даже извне собственно фольклористики.

В данном случае я говорю только о числе ссылок (и о сопровождаемом этим числом некритично воспринимаемом неофитами «статусе»), а не о действительном значении учёного для науки. Значение же сделанного учёным — категория сложноопределимая.

Я бы сказал, что есть три «весовые категории» наследия учёного. Первая категория (по аналогии с боксёрскими поединками можно назвать её «в весе до 80 кг») — это разного рода концептуализации, обобщения, мелкие гуманитарные открытия. Это как раз то поле, в котором работают, в основном, современные филологи, учитывая наступление эпохи общей инфляции теоретического мышления и девальвации больших нарративов.

Вторая категория (вес до 90 кг) — это учёные, которые придумывают новые методы анализа материала, меняют парадигму. Это как раз Бахтин, Якобсон, Лотман, Пропп, Моретти и т.д.

Наконец, в весе свыше 90 кг представлены учёные, которые делают академические издания и справочники. Указатель Аарне-Томпсона, словарь Фасмера, сказки Афанасьева.

Число ссылок на учёного из каждой из этих категорий очевидно будет неодинаковым. Подавляющим образом будут ссылаться на справочники, хотя за этими справочниками и их авторами не обязательно должна быть видна концептуальная глубина. Концептуальная глубина — это поле второй весовой категории. На этих учёных тоже много ссылаются, о них можно писать статьи (скажем, можно задаться вопросом, откуда Пропп позаимствовал свою

терминологию¹, в чём отличия теории информации у информатиков и Якобсона, в чём Бахтин схож с Дильтеем).

Те, кто выступает в весе до 80 кг, довольствуются узко сегментными ссылками из той же субдисциплины (скажем, пушкинисты цитируют пушкинистов).

Коллизия в том, что при жизни Назиров был признанным бойцом в полутяжёлом весе, то есть был знаком литературоведам только благодаря своим трудам о Достоевском. Сейчас, в процессе публикации архива, создав специальный журнал об этом учёном, мы с коллегами пытаемся изменить его репутацию и, следовательно, весовую категорию, а именно: представить его выступающим в тяжёлом весе.

Собственно, в сверхтяжёлом весе, как об этом неумолимо свидетельствует архив, Назиров тоже выступал (исторические летописи, энциклопедия литературоведения и смежных наук, словарь сюжетов и прочие обобщающие справочники), но удачны ли эти выступления? Полезны ли они современному гуманитарии? Ответ на этот вопрос не очевиден.

Следующая мысль во многом тривиальна, но, кажется, без её констатации в очередной раз не обойтись: в любом случае чистое число ссылок не обязательно линейно зависит от сделанного в науке. Кроме того, не следует забывать про феномен учёных, опередивших своё время: их разработки оказались востребованы позднее, чем были сделаны. Так, «Грамматический словарь» Зализняка, изданный в 1977 году, был для своей эпохи весьма странным справочником с довольно туманным назначением. Только в 1990-е стало ясно, в чём гениальное предвидение Зализняка: словарь послужил основой для компьютерных систем, связанных с машинной обработкой текстов на естественном языке. Бахтин до 60-х годов также был забытым автором, ссылки на него трудно было обнаружить даже в работах о Достоевском. Но поменялся научный контекст, и весовая категория учёного оказалась подтверждена интересом сообщества.

Произойдёт ли такое с наследием Назирова? Предсказания в этой области дело неблагодарное, хотя я в большей степени склоняюсь к отрицательному ответу на этот вопрос.

Как бы там ни было, кто и в каких количествах ссылается на Назирова, вероятно оценивать преждевременно. Бессмысленно и сравнивать ссылки на Назирова со ссылками на Фасмера или Ожегова. По крайней мере, сейчас. Вероятно, другие его труды, выводящие учёного в категорию сверхтяжёлого веса, нуждаются не только в публикации, но и в правильном позиционировании — таким образом, чтобы стало понятно, что это не случайное выступление в несвойственном достоевисту жанре, а проявление системной черты его мышления.

¹Вайскопф М. Морфология страха: [О книге В. Я. Проппа "Морфология сказки"] // Новое литературное обозрение. 1996. № 24. С. 53–58.

